

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Archaeology

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
Nosov Magnitogorsk State Technical University

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

2 (44)

Апрель–Май–Июнь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2014

Научная подготовка журнала осуществляется в сотрудничестве
с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)
член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *С. П. Карпов*, член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *А. А. Масленников*, д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.филол.н. *С. Г. Шулежкова*

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov, I. V. Oktyabrskaya,
S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

-
- © Российская академия наук, 2014
 - © Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2014
 - © Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» (составитель), 2014

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Греция и Рим

© 2014

И. В. Востриков

АФИНСКИЙ ПАТРИОТИЗМ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЭФЕБИИ

В статье рассматриваются характер и особенности патриотического воспитания как образовательного компонента афинской эфебии. Делается вывод о том, что, несмотря на изменения в эфебии (появление интеллектуального образования, отсутствия необходимости подготовки армии), патриотическое воспитание сохранило свое значение ко II в. до н.э.

Ключевые слова: Афины, эфебия, патриотическое воспитание

Большую роль в деле военного и гражданского воспитания юношей Афин, их подготовке к роли граждан и исполнению общественных обязанностей играл институт эфебии¹. Афинская эфебия имеет длительную историю.

В источниках эфебии и этот институт прослеживаются на протяжении восьми столетий (с V в. до н.э. по III в. н.э.), хотя о начальном периоде существования эфебии, до реформы Эпикрата 336/5 г. до н.э., мы встречаем весьма скудные сведения у некоторых авторов². Реформирование эфебии, видимо, было одной из мер Ликурга по укреплению Афин после поражения при Херонее в 338 г. до н.э. (Ps.–Plut. Vit. X Or. 841 B, 842 G, 852 C, 841 D, 842 A; Paus. I. 29. 16; Aesh. III. 27–31)³. Среди произведений античных авторов следует выделить «Афинскую Политию» Аристотеля, где в 42-й главе автор дает описание современной ему эфебии – в

Востриков Игорь Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории Казанского (Приволжского) Федерального университета. E-mail: igor-vostrikov@bk.ru. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00088 «Патриотизм и предательство в античном мире».

¹ Афинской эфебии посвящен ряд работ: Видаль-Накэ 2001, 115–181; Никитюк 2001, 57–68; Brenot 1920; Burckhardt 1996, 26–75; Dow 1958, 423–426; 1960, 381–409; Dumont 1875; 1876; Friend 2009; Lofberg 1925, 330–335; Mitchel 1961, 352–371; 1975, 233–243; Ober 1985, 90–95; Marcellus 1994; Pélékidis 1962; Pritchett 1949, 273–278; Reinmuth 1948, 211–231; 1952, 34–50; 1959, 209–233; 1962, 374–378; 1971; 1974, 246–254; Sekunda 1992, 327–340; Трасу 1979, 174–179.

² Об Эпикрате нет никаких сведений, кроме сообщения лексикографа Гарпократиона о том, что за реформу эфебии Эпикрату была поставлена медная статуя (Нагросрат. Επικρῆθη). Также нет никаких документов, касающихся самой реформы.

³ Об эпохе Ликурга в Афинах: Маринович 1983, 208–258; Mitchel 1965, 189–204; Sealey 1993, 207–212.

330-е–320-е гг. до н.э (Arist. Ath. Pol. 42. 1–4)⁴. Более того, именно с этого времени начинают регулярно появляться эпиграфические свидетельства, касающиеся эфебов. Эпиграфика является основным источником по истории афинской эфебии эллинистического и римского периодов. Анализ комплекса эфебских надписей, в частности, позволяет выявить изменения и особенности развития данной организации.

Двухгодичная эфебия была призвана сделать из молодых афинян граждан-воинов, умеющих обращаться с оружием и готовых при необходимости к защите страны и отстаиванию ее интересов с оружием в руках. В декретах выносятся решения похвалить и увенчать эфебов венком за благопристойность – ἡ κοσμιότης и дисциплину – ἡ εὐταξία (IG. II². 1156. 29–31, 39–40, 56–58), за благочестие – ἡ φιλοτιμία (IG. II². 1189. 7–8), доблесть – ἡ ἀρετή и благоразумие – ἡ σωφροσύνη (IG. II². 487. 10; 700, fr. b 24). Несомненно, перечисленные в надписях достоинства должны были быть нормой поведения для хорошего гражданина, однако они отражали еще одну важную функцию эфебии – патриотическое воспитание молодежи. Именно этому аспекту функционирования афинской эфебии и будет посвящена данная работа.

Ярким примером предназначения эфебии как института патриотического воспитания является клятва эфебов, в которой юноши обязуются не опозорить оружие, не покинуть товарища в строю, защищать храмы и святыни, благоразумно подчиняться руководителям и законам, чтить отеческие святыни (Tod. II. 204. 5–16)⁵. Ликург в своей речи обвиняет некоего Леократа в том, что он покинул Афины после битвы при Херонее, в то время как город готовился к обороне (Лус. С.Леосг. 16–17). Таким образом, Леоkrat, по мнению Ликурга, предал свое отечество и нарушил эфебскую клятву (Лус. С.Леосг. 77–78).

Учитывая важность воспитания молодежи, происходил тщательный отбор наставников, десятерых софронистов. Хороших граждан и патриотов своей страны должны были воспитывать хорошие граждане. Поэтому софронисты выбирались по одному от каждой филы из трех кандидатов старше сорока лет, причем, по словам Аристотеля, таких, которые будут наилучшими и наиболее пригодными для того, чтобы иметь попечение об эфебах – οὗς ἂν ἡγῶνται βελτίστους εἶναι καὶ ἐπιτηδειοτάτους ἐπιμελεῖσθαι τῶν ἐφήβων (Arist. Ath. Pol.42.2). Они должны были на полученные от государства деньги закупать припасы для эфебов (Arist. Ath. Pol.42.3). Возрастной ценз при выборе софронистов свидетельствует о том, что на эту должность требовались лица, имеющие определенный опыт в гражданских и семейных делах и зарекомендовавшие себя добродетельной жизнью. Софронисты могли служить образцом благоразумия, ἡ σωφροσύνη, для эфебов⁶. Показательны следующие примеры, встречающиеся в источниках, значимости данной добродетели для гражданина полиса. В частности, фиванцы во время борьбы с Филиппом, по-видимому, восхитившись поведением афинян, выразили им три прекрасней-

⁴ Судя по всему, Аристотель как раз описывает эфебию, уже реформированную по закону Эпикрата.

⁵ Клятва эфебов дошла до нас в трех вариантах: на стеле из Ахарны (Tod. II. 204), а также у Поллюкса (Onom. 8. 105–106) и Стобея (Stob. 43. 48). О клятве в целом: Taylor 1918, 495–501; Tod 1948, 303–308; Sievert 1977, 102–111; Rhodes, Osborne 2003, 440–449; Kellog 2008, 355–376.

⁶ Friend 2009, 163.

шие похвалы: одну за мужество, другую за справедливость, третью за *благоразумие* – ἐν μὲν ἀνδρείας, ἕτερον δὲ δικαιοσύνης, τρίτον δὲ σωφροσύνης (Dem. XVIII. 215). По мнению Демосфена, *благоразумие*, стыдливость юношества по отношению к родителям и старшим, дисциплина при помощи законов одерживают верх над позорными вещами (Dem. XV. 24). Оратор также разделяет людей, которые при исполнении литургий растратили свое состояние, и тех, которые ревностно выполняют обязанности, а в остальном проявляют *благоразумие* и сохраняют свое состояние (Dem. XXXVIII. 26). В свою очередь Эсхин приводит ряд качеств, присущих человеку, преданному народу. По его мнению, такой человек должен быть свободнорожденным, его предки должны иметь заслуги перед народом, *благоразумным* и умеренным, а также благомыслящим, красноречивым и мужественным духом. (Aesh. III.169–170).

Помимо софронистов, из всех афинян выбирался космет – ὁ κοσμητής, руководитель эфебского корпуса, а также преподаватели военной и физической подготовки (Arist. Ath. Pol. 42. 2–3). Про требования к кандидату в косметы в «Афинской политике» никакой информации не дается. Но несомненно, что при избрании на эту ответственную должность происходил строгий отбор и космету, как и софронистам, необходимо было обладать высокими моральными и нравственными качествами. В надписи II в. до н.э. говорится о том, что космет выбирается из мужчин, ведущих благородную жизнь – κοσμη[τ]ῆν καθίστησ[iv ἐκ] τῶν ἄριστα βε[β]ιωκότων (IG. II². 1006. 56).

Именно под руководством космета и софронистов эфебы обходили храмы богов (Arist. Ath. Pol. 42. 3). Хотя Аристотель больше ничего не сообщает о функциях космета и софронистов, можно с уверенностью говорить, что именно на этих лиц возлагалась ответственность за гражданское, моральное и патриотическое воспитание в эфебии⁷. В связи с вышеизложенным нужно отметить, что патриот не просто должен был любить свой полис и быть умелым воином, но и быть *благоразумным*, чтобы своими делами и обдуманно поступками приносить пользу полису в общественных делах.

Эфебия как государственный институт была зависима от политической ситуации в Афинах. Поражение в Ламийской войне 323–322 гг. до н.э. привело к установлению македонского контроля над Афинами, который проявился в вводе македонского гарнизона в Мунихии и некоторых изменениях в политической системе Афин, затронувших гражданский коллектив (Diod. XVIII. 18. 3–5, 74.3; Plut. Phoc. XXVIII. 1–4)⁸. Вплоть до свержения ставленника Кассандра Деметрия Фалерского в 307 г. до н.э. нет никаких свидетельств об эфебии, которая в этот период, по-видимому, была отменена⁹. Конечно, военная подготовка и патриотическое воспитание юношей в подконтрольном полисе в присутствии македонского гарнизона представляли определенную опасность и были недопустимы для македонян и промакедонской администрации Афин. Сведения об эфебии появляются вновь после освобождения города от Деметрия Фалерского в 307 г. до н.э. Но

⁷ Reinmuth 1971, 79–80; Rhodes 1981, 504–505.

⁸ Политическая ситуация в Афинах этого времени подробно рассмотрена в работах: Huges 2008, 92–245; Williams 1982, 97–211.

⁹ Friend 2009, 181–182; Marcellus 1994, 172–173; Huges 2008, 113, 172; Pélékidis 1962, 157; Reinmuth 1948, 217.

здесь наблюдаются серьезные изменения в эфебии: сокращение срока службы с двух до одного года, ее добровольный характер, отмена государственного финансирования¹⁰. Все это повлекло резкое сокращение численности эфебов в конце IV–III вв. до н.э.¹¹

По-видимому, в связи с малочисленностью эфебов в III в. до н.э. исчезают софронисты, поэтому заботы по воспитанию эфебов ложатся на плечи косметов. Эти изменения в эфебии свидетельствуют об отказе от четко выстроенной при Ликурге системе военного-патриотического воспитания и утрате ее актуальности в Афинах, несмотря на то, что в дальнейшем вплоть до 229 г. до н.э. афинянам приходилось бороться с переменным успехом против македонян за возвращение контроля над Пиреем. Серьезная подготовка эфебов в этой ситуации была бы как нельзя кстати для афинских граждан. Военное и патриотическое воспитание в рамках эфебии с учетом приведенных обстоятельств было символично и занимало небольшое место в жизни полиса III в. до н.э.

Во II в. до н.э. военное и патриотическое воспитание в эфебии несколько отесняется интеллектуальным образованием. Как следует из эпиграфических документов, эфебы посещали занятия философов, риторов и грамматиков (IG. II². 1006. 19–20, 62–64; 1009. 8; 1029. 21; 1030. 32; 1039. 16–18, 47–48; 1040. 26–28; 1042. fr. a–b. 18–19, fr. c. 7–8; 1043. 19–20, 41–43).

Развитие интеллектуального образования в программе эфебского обучения, по-видимому, было связано с общей политической и социокультурной ситуацией в полисе. Афины во II в. до н.э. отходят от активной внешней политики, исчезает необходимость в сильной армии, но в то же время полис становится одним из крупнейших центров образования и культуры эллинистического мира. Однако, несмотря на это, военное и патриотическое воспитание сохраняют свое значение в эфебии. Эпиграфические свидетельства II в. до н.э. очень хорошо раскрывают аспекты интеллектуального, военного и особенно патриотического воспитания в этот период.

В надписи 122/1 г. до н.э. говорится следующее: «Народ величайшее усердие проявляет об образовании и дисциплине эфебов, желая, чтобы из детей они стали хорошими мужами и преемниками родины и предписал на основании законов стать опытными (в охране) своей страны, крепостей и границ Аттики, и также с оружием в руках совершать подобающим образом военные упражнения» (ὁ δῆμος τὴν πλείστην σπουδὴν ποιεῖται τῆς τῶν ἐφήβων ἀγωγῆς καὶ εὐταξίας βουλόμενος τοῦ]ς ἐκ τῶν πα[ί]δων μεταβαίνοντας εἰς τοὺς ἀνδρας ἀγαθοὺς γίνεσθαι τῆς πατρίδος διαδ[ό]χους καὶ προσέταξεν διὰ τῶν νόμων] τ[ῆ]ς τε χώρας κα[ί] τῶν φρουρίων καὶ τῶν ὀρίων τῆς Ἀττικῆς ἐμπείρους γίνεσθαι ἔν τε τοῖς ὅπλοις τὴν εἰς πόλεμον ἀνήκουσαν ἄσκησι]ν ποιῆ]σθαι (IG. II². 1006. 52–55). Причем, как подчеркивается в декрете в честь космета, их (эфебов) дисциплина и мужество являются украшением отечества – κόσμον τῆι πατρίδι τῆ]ν εὐταξίαν αὐτῶν καὶ ἀνδρείαν (IG. II². 1006. 59).

¹⁰ В декрете 305/4 г. до н.э. (IG. II. 478), принятом при архонте Эвксениппе, чествуются эфебы, записанные в предыдущий год, 306/5 г. до н.э. при архонте Коройбе. Кроме того в этом декрете впервые представлены вместе эфебы всех фил.

¹¹ Так, если в 305/4 г. до н.э. (IG. II. 478) эфебский корпус, согласно подсчетам Рейнмута (Reinmuth 1971, 106), состоял примерно из 372 человек, то, к примеру, в 282/1 г. до н.э. (IG. II. 665) насчитывается приблизительно 32 эфеба, в 248/7 г. до н.э. (IG. II. 681) около 29 эфебов.

Упоминается, что однажды эфебы восстановили старую катапульту (IG. II². 1006. 82). Кроме того, эфебы начали заниматься морским делом, что, судя по всему, связано с их патриотическим воспитанием, поэтому среди наставников появляются моряки (IG. II². 1006. 46–47).

Патриотическое воспитание в эфебии предполагало весьма насыщенную общественно-религиозную деятельность. Юноши совершали походы с оружием к крепостям и границам Аттики (IG. II². 1006. 24–25, 66, 90–91; 1011. 15–16; 1028. 85–86). Несомненно, целью таких походов было ознакомление юных патриотов с территорией родного полиса. Эфебы несли охранную службу Афин и Пирея (IG. II². 1039. 21–22, 50–51; 1040. 31). Кроме этого эфебы присутствовали на заседаниях экклесии в строю с оружием (IG. II². 1006. 20–21; 1008. 20–21; 1011. 22; 1028. 35–36; 1029. 21–22; 1030. 31–32).

Религиозная деятельность, связанная с патриотическим воспитанием, хорошо засвидетельствована в эпиграфических документах. Эфебы совершали жертвоприношения различным богам, участвовали в праздничных процессиях, устраивали состязания. Очень примечательным в рамках патриотического воспитания является обращение к блестящему прошлому греков, к периоду героической борьбы с персами в V в. до н.э., когда афинянами были одержаны знаменательные победы над варварами, в результате чего полис стал крупнейшей военной и морской державой. Поэтому, отдавая дань памяти своим мужественным предкам и согражданам, эфебы посещали марафонское захоронение, где увенчивали могилу и совершали жертвоприношения погибшим в войне за свободу: πα[ρ]αγεγόμενοι δὲ [ἐπὶ τὸ ἐν Μαραθῶνι πολυ]άνδρειον ἐστεφάνωσάν τε καὶ ἐνήγισαν τοῖς κατὰ πόλεμον τελευτήσασιν ὑπ[ὲρ] τῆς Ἐλευθερίας (IG. II². 1006. 26–27, 69–70). Как сообщает Павсаний (I. 32. 3), на могиле были установлены стелы с именами погибших и указанием их фил.

Также эфебы совершали жертвоприношения в святилище Амфиарая, в котором жертвенник был разделен на пять частей, посвященных разным богам, в том числе Зевсу, Гераклу, Афине (Paus. I. 34. 2), где от отцов храма (жрецов?) слушали дошедшее с древних времен (по всей вероятности, рассказы): παρε[γ]ένο[ντο] δ[ὲ] καὶ εἰς τὸ Ἀμφιάραον καὶ ἰσ[τ]όρησαν τὴν γεγονεῖαν ἐκ παλαιῶν χρόνων ὑπὸ τῶν πατέρων τοῦ ἱεροῦ [κ]υρίειαν καὶ θ[ύ]σαντες (IG. II². 1006. 27–28, 70–71). Помимо этого, эфебы отплывали к трофею, сооруженному в честь победы Фемистокла (Paus. I. 26. 1), при котором приносили жертвы Зевсу, участвовали в процессии в честь великих богов, а также устраивали состязание на кораблях (IG. II². 1006. 28–29, 71; 1008. 17–18; 1028. 27–28).

Приплывали эфебы и в гавань Мунихия, где тоже состязались на кораблях (IG. II². 1006. 29–30, 71–72; 1011. 16; 1028. 20–21; 1030. 19–20). Символичным является посещение юношами храма Айанта на Саламине (Paus. I. 35. 3). Эфебы устраивали состязание на кораблях, шествие и принесение жертвы герою Айанту (IG. II². 1006. 30–31, 73–74; 1008. 22–24, 75–77; 1011. 16–17, 53–55; 1028. 24–25; 1029. 14–15), что, видимо, представляло собой подражание подобным ритуальным действиям, совершенным афинянами накануне Саламинского сражения (по сообщению Геродота, перед битвой афиняне принесли молитвы богам и призвали на помощь Айанта и Теламона – Hdt. VIII. 64).

При рассмотрении эфебского патриотического воспитания II в. до н.э. необходимо обратить внимание на такое любопытное явление, как допуск иностранцев в эфебию. Эфебы неафинского происхождения впервые появляются в надписи 119/18 г. до н.э. (IG. II². 1008. col. IV. 111–128). В связи с этим возникает вопрос о месте иностранцев в организации, предназначенной для патриотического воспитания афинян.

По мнению А. Дюмона и К. Форбса, иностранные эфебы не находились отдельно от граждан. Они посещали святилища, участвовали в жертвоприношениях, патрулировали границы и укрепления, слушали те же лекции философов¹². Однако О. Рейнмут замечает, что эфебия, несмотря на изменения характера обучения, в своих религиозных, военных, гражданских и моральных аспектах предназначалась именно афинским гражданам¹³.

Хотя по своему характеру эфебия и предназначалась гражданам, еще в конце IV в. до н.э., с введением принципа добровольности, произошел определенный разрыв с институтом гражданства. Кроме того, Афины принимают иностранцев как для привлечения финансовых средств, так и для получения ими хорошего образования¹⁴. И если в эту «кузницу граждан» стали допускать иностранцев, то логично, что они проходили с эфебами-гражданами весь курс обучения, включая религиозный и патриотический компонент, что должно было служить для демонстрации института афинского гражданства, его особенностей, традиций, а также полисного патриотизма в целом.

В заключение следует сказать, что в Афинах на государственном уровне сложилась система военного и патриотического воспитания молодых граждан как образовательный компонент афинской эфебии. Патриотическое воспитание было направлено на подготовку к выполнению гражданских обязанностей и выработку у юношей определенных черт характера и норм поведения, присущих хорошему гражданину. Несмотря на потерю эфебией в результате изменения политических условий того значения, какое она имела при Ликурге, патриотическое воспитание сохраняется и ярко проявляется, судя по эпиграфическим документам, во II в. до н.э., когда эфебы обращаются к славному прошлому Афин. Это имело большое моральное значение для полиса, который к этому времени уже не являлся мощной военной державой и находился под контролем Рима.

ЛИТЕРАТУРА

Видаль-Накэ П. 2001: Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.

Маринович Л. П. 1983: Афины при Александре Македонском // Античная Греция. Т. 2. М., 208–258.

Никитюк Е. В. 2001: Афинская эфебия IV–III вв. до н.э. // Война и военное дело в античности (Para bellum). 12, 57–68.

¹² Forbes 1929, 90; Dumont 1875, 159.

¹³ Reinmuth 1948, 220.

¹⁴ Среди эфебов встречаются даже такие знатные лица, как царевичи Ариобарзан и Ариарат, сыновья каппадокийского царя Ариарата II (IG. II². 1039. fig. b1,c1,p.col. II. 3–5). Причем они записаны как афинские граждане дема Спалетты, филы Кекропиды. Это свидетельствует о том, что представителям каппадокийского царского дома в качестве почестей было даровано афинское гражданство.

- Brenot A.* 1920: Recherches sur l'éphebie attique et en particulier sur la date de l'institution. Bibliotheque de l'Ecole des Hautes Etudes fasc. 229. Paris.
- Burckhardt L. A.* 1996: Bürger und Soldaten. Stuttgart.
- Dow S.* 1958: Oi peri to Diogeneion. // Harvard Studies in Classical Philology. 63, 423–426.
- Dow S.* 1960: The Athenian Epheboi; Other Staffs, and the Staff of Diogeneion // TPAPA. 91, 381–409.
- Dumont A.* 1875: Essai sur l'éphebie attique. Vol. 1–2. Paris.
- Forbes C. A.* 1929: Greek Physical Education. New York; London.
- Friend J. L.* 2009: The Athenian Ephebeia in the Lycurgian Period: 334/3–322/1 B.C.: PhD Diss. Austin.
- Huges S.* 2008: After the Democracy: Athens under Phokion (322/1–319/8 B.C.): PhD. Diss. University of Western Australia.
- Kellog D.* 2008: The Ephebic Oath and the Oath of Plataia in Fourth-Century Athens // Mouseion: The Journal of the Classical Association of Canada. 8. 3, 355–376.
- Lofberg J. O.* 1925: The Date of the Athenian Ephebeia // Classical Philology. 20. 4, 330–335.
- Marcellus H. V.* 1994: The Origins and Nature of the Attic Ephebeia to 200 B.C.: PhD. Diss. Oxford.
- Mitchel F. W.* 1961: The Cadet Colonels of the Ephebic Corps // TPAPA. 92, 352–371.
- Mitchel F. W.* 1965: Athens in the Age of Alexander // Greece & Rome. 12. 2, 189–204.
- Mitchel F. W.* 1975: The So-Called Earliest Ephebic Inscription // ZPE. 19, 233–243.
- Ober J.* 1985: Fortress Attica: Defense of the Athenian Land Frontier 404–322 B. C. Leiden.
- Pélékidis C.* 1962: Histoire de l'éphébie attique des origins à 31 avant Jésus-Christ. Paris.
- Pritchett W. K.* 1949: Epheboi of Oineis // Hesperia. 8, 273–278.
- Reinmuth O. W.* 1948: The Ephebate and Citizenship in Attica // TPAPA. 79, 211–231.
- Reinmuth O. W.* 1952: The Genesis of the Athenian Ephebeia // TPAPA. 83, 34–50.
- Reinmuth O. W.* 1959: A «Diogene's College» in Athens? // TPAPA. 90, 209–223.
- Reinmuth O. W.* 1962: Hoi Peri to Diogeneion Again // TPAPA. 93, 374–378.
- Reinmuth O. W.* 1971: The Ephebic inscriptions of the Fourth Century B. C. Boston; Leiden; Koln.
- Reinmuth O. W.* 1974: A New Ephebic Inscription from the Athenian Agora // Hesperia. 43. 2, 246–254.
- Rhodes P. J.* 1981: A commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford.
- Rhodes P. J., Osborne R.* 2003: Greek Historical Inscriptions, 404–323 B. C. Oxford.
- Sealey R.* 1993: Demosthenes and His Time. Oxford.
- Sekunda N. W.* 1992: Athenian Demography and Military Streugth 338–322 B.C. // ABSA. 87, 311–355.
- Siewert P.* 1977: The Ephebic Oath in Fifth-Century Athens // JHS. 97, 102–111.
- Taylor J. M.* 1918: The Athenian Ephebic Oath // CJ. 13. 7, 495–501.
- Tod M. N.* 1948: A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. 2. Oxford.
- Tracy S. V.* 1979: Greek Inscriptions from the Athenian Agora // Hesperia. 48. 2, 174–179.
- Williams J. M.* 1982: Athens without Democracy: the Oligarchy of Phocion and the Tyranny of Demetrius of Phalerum, 322–307 B.C.: PhD. Diss. Yale University.

ATHENIAN PATRIOTISM AND FUNCTIONING OF EPHEBEIA'S INSTITUTION

I. V. Vostrikov

The article deals with the nature and peculiarities of patriotic education as an educational component of the Athenian ephebeia. The conclusion is made that despite changes in ephebeia

(the appearance of intellectual education, lack of necessary training of the army), patriotic education preserved its value up to the 2nd century BC.

Key words: Athens, ephebeia, patriotic education

© 2014

А. В. Васильев

ДЕФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ РИМСКИХ МАГИСТРАТУР В ПЕРИОД ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (218–201 гг. до н. э.)

В статье рассматриваются наиболее значимые изменения в практике функционирования римских магистратур в период войны с Ганнибалом. К ним относятся разрушение традиционной «лестницы магистратур», нарушения, связанные с диктатурами военного времени, экстраординарные испанские командования и некоторые другие. Прослеживая эти деформации, автор приходит к выводу, что ликвидировать некоторых из них в дальнейшем римское государство оказалось неспособно, что стало одним из факторов будущего кризиса республиканской государственности.

Ключевые слова: Рим, республика, магистратуры, Вторая Пуническая война, империй

Вторая Пуническая война оказала огромное влияние на развитие римской государственности в целом и магистратской власти в частности. Политические, социальные и экономические последствия этой войны были столь значительны, что высказывалось предположение о ключевой роли Ганнибаловой войны в истории римской республики, предопределившей ее дальнейшее развитие и даже падение¹. Так или иначе, представляется особенно важным проанализировать конкретные деформации в системе римских магистратур, связанные с чрезвычайными условиями военного времени. Эти изменения могли быть как формально-правовыми, закрепленными в законодательной практике, так и экстралегальными, то есть не отраженными в правовых установлениях. Изучение таких изменений и причин их возникновения и является целью данной статьи.

Для этого мы располагаем хорошей источниковой базой, главным образом благодаря историческим трудам Полибия и Тита Ливия, в которых содержится связанное изложение истории Второй Пунической войны. Вспомогательными источниками служат более поздние, но иногда не менее ценные сочинения Флора и Аппиана, а также некоторые из жизнеописаний Плутарха. В отдельных случаях могут быть привлечены эпиграфические свидетельства, позволяющие проверить достоверность тех или иных сообщений античной традиции.

Переходя к конкретному историческому материалу, следует начать с появления в самом начале войны отдельного испанского командования и вопроса о том, каким правовым статусом был наделен его обладатель. Как известно, в начале

Васильев Андрей Владимирович — преподаватель истории в классической гимназии № 610 г. Санкт-Петербург. E-mail: Ander-Vaas@yandex.ru

¹ Toynbee 1965, 486.